

УДК 821.161.1 Осипов + 821.161.1 Кузнецов + 94(57)

А. И. Разувалова

**«ОТТЕПЕЛЬ» В СИБИРИ:
ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МИФА
В СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА 1950-х гг.
(на материале произведений В. Осипова и А. Кузнецова)***

Художественные репрезентации Сибири в прозе и публицистике периода «оттепели» анализируются в контексте идеологии «обновления» социализма. В статье рассматривается, как идея промышленного освоения региона актуализирует специфические для колониального дискурса смыслы и порождает особую романтическую поэтику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «оттепель»; сибирский миф; идеология модернизации; колониальный дискурс.

Символическое конструирование того или иного региона в литературе, как правило, коррелирует с провозглашаемыми государством идеологическими, политическими, культурными приоритетами. Образ территории и поэтика ее художественных репрезентаций «откликаются» на предлагаемые программы развития социума, нарративизируя и метафоризируя их. Поэтому воспроизведение художественной словесностью образа того или иного региона сколь литературно (и может быть рассмотрено как сугубо эстетическое образование), столь и идеологично. Второй аспект, связанный со способностью литературы наделять смыслами те или иные сегменты социального пространства, предлагать систему ориентации в нем¹, и будет меня занимать.

В центре статьи — семантическая реконфигурация образа Сибири в «оттепельный» период (1956–1964). «Оттепельные» вариации мифологемы Сибири рассматривались в содержательной статье Т. Л. Рыбальченко. Автор справедливо обратила внимание на ключевую роль образа докультурного пространства, осваиваемого героями-демиургами, значимость мотивов инициации и сюжетных ситуаций, связанных с преодолением индивидуализма [Рыбальченко]. Наблюдения исследовательницы, сами по себе тонкие и точные, сделаны по большей части на материале прозы первой половины 1960-х гг. (В. Аксенов, В. Максимов, В. Чивилихин, А. Рекемчук, исключение составляет лишь «Иркутская история» А. Арбузова (1959)), т. е. периода, когда культурный язык «оттепели» уже откристаллизовался. Мне бы хотелось сосредоточить внимание на ранних образцах «оттепельной» литературы, с одной стороны, более очевидно связанных с соцреализмом, с другой стороны, заложивших основы сюжетно-риторического «оттепельного» «канона». Речь пойдет об очерках В. Осипова «Тайна Сибирской

* Статья написана в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-14-24003.

¹ Пионерской в отечественной гуманитарной традиции в разработке данного подхода стала книга А. Л. Зорина «Корма двуглавого орла...» [Зорин]. См. обсуждение в связи с этой публикацией вопроса о методологии анализа идеологических моделей и роли литературы в их продуцировании [Живов; Форум Ab Impero].

платформы» (1958) и повести А. Кузнецова «Продолжение легенды» (1957). Двойственность «оттепели», в которой очевидные, хоть и непоследовательные десталинизаторские усилия сочетались со стремлением усовершенствовать культурные парадигмы сталинизма [см.: Прохоров, с. 12], обнаружила себя в особенностях истолкования сибирского мифа, выдвинувшегося на короткий срок в репертуаре территориальных мифов на первый план, и реанимации колонизаторских подтекстов советского проекта.

В мае 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР призвали молодежь активно участвовать в промышленном освоении Сибири и Дальнего Востока. Это обращение дало старт соответствующей пропагандистской кампании² и массовым мероприятиям по «вербовке» рабочей силы. О реальном среднем возрасте преобразователей восточных окраин судить сложно, но журнальные публикации и литература усиленно варьировали мотив молодости будущих сибиряков, акцентируя параллель между современными событиями и индустриализацией названных регионов в 1930-е гг. [см.: Левина, с. 93; Марков, с. 1]. В редакционной статье «Литературной газеты», появившейся через несколько дней после обращенного к молодежи призыва власти, был эксплицирован образно-мотивный ряд, актуальный для «оттепельного» мифа о Сибири, — молодость строителей, культурно-географическая амбициозность начатого проекта, радикальность осуществляемой модернизации:

Мы являемся свидетелями развертывающегося величайшего похода за хозяйственное освоение просторов, равных территориям десятков иных государств. На советский Восток стремятся когорты нового поколения советских людей, воспитанных партией, грамотных, опытных, несущих с собой культуру, передовую науку. Они заложат новые города, промышленные центры, откроют институты, университеты, театры, протянут нити дорог... [На Восток, с. 1].

«Тайна Сибирской платформы», дебютная книга В. Осипова, который в качестве корреспондента «Комсомольской правды» в 1956 г. был командирован на алмазные месторождения Якутии, была построена на комбинации названных мотивов. Весомости публикации молодого журналиста придало предисловие признанного авторитета в области научно-приключенческой литературы И. А. Ефремова, в 1930-е гг. участвовавшего в геологических экспедициях. В 1959 г. на основе очерка «Неотправленное письмо» режиссером М. Калатозовым и оператором С. Урусевским был снят одноименный фильм с участием звезд советского кино (И. Смоктуновского, Е. Урбанского, Т. Самойловой), который демонстрировался в программе Каннского кинофестиваля (1960). Вызвавшие широкий отклик очерки Осипова замечательны в плане приспособления к новым

² С мая 1956 г. советская периодическая печать делает тему хозяйственного освоения восточных районов страны первостепенной. Очерки с места событий, проза и поэзия, живописующие подвиги покорителей суровой сибирской природы, изображение широкомасштабного строительства живописью и кинематографом в конце 1950-х гг. имеют довольно очевидный агитационный заряд (например, в сентябрьском номере «Юности» выходит написанный на злобу дня «агитационный материал» — водевиль Ц. Солодаря «Сибирячка», где в дидактическо-комическом ключе разоблачаются мещанские настроения части молодежи, пренебрегшей возможностью испытать себя суровой трудовой жизнью, и одновременно поется утрированно-романтический гимн сибирским красотам [см.: Солодарь]).

культурно-идеологическим ориентирам концептов сталинской культуры (война, семья, мужественность и др.) [см. Прохоров, с. 80–81] и характерных для прежней эпохи принципов конструирования сибирского пространства.

Актуальность темы Сибири — страны сказочных природных богатств и необозримых просторов — по верному замечанию П. Вайля и А. Гениса, во второй половине 1950-х гг. оказалась связанной с попыткой «обновить» социализм: «Если вновь доставать измызганные идеалы, то делать это следует в девственной сибирской стране. Не расчищать руины неудавшегося социализма, а строить его заново» [Вайль, Генис, с. 594]. Индустриальная и культурная экспансия в Сибирь, открывшая новую фазу советской модернизации, имела выраженные колонизаторские коннотации³ (правда, надо иметь в виду всю специфичность последнего понятия по отношению к советской истории второй половины XX в.).

В «Тайне Сибирской платформы» последствия неосознанно применяемой колонизаторской оптики сказываются практически на всех уровнях текста. Осипову, например, крайне важно подчеркнуть значимость словно обретаемой заново — теперь в акте хозяйственно-культурного освоения — географической периферии. Структурно воображаемое пространство СССР в его очерках организовано так, чтобы читатель обратил внимание на смещение центра на восток («тронулась земля на восток» [Осипов, с. 81]). Внутри гигантского территориального ареала очеркист обозначает новые семиотически нагруженные точки, расположенные «далеко от Москвы». Называя третью главу книги «Все дороги ведут на восток» [Там же, с. 67] и обыгрывая средневековую поговорку об имперском устройстве «Все дороги ведут в Рим», он осуществляет инверсию традиционной асимметрии центра и периферии:

...с кем бы я ни познакомился в ту ночь во Внуково, с кем бы ни разговорился — все, словно заранее условившись, летели только на восток. Казалось, что и самолеты, по тайному сговору пассажиров с дирекцией аэропорта, следуют исключительно в одном направлении: Омск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск! [Там же, с. 70].

Инверсия не устраняет ценностный дисбаланс центра и периферии, но дискурсивно смягчает его. Москва сохраняет статус управленческого и властного источника (там принимаются решения о хозяйственном освоении сибирского края, выделяются субсидии, определяются политические цели модернизации), в то же время огромный регион на востоке перестает быть «белым пятном». Его культурно-географический облик буквально и метафорически картографируется.

³ Наличие огромных мало- или вовсе незаселенных пространств стимулировало, учитывая предложенное К. Кобриным разграничение «идеологий» имперского управления, использование «имперской метафорики». Согласно Кобрину, в отличие от колонизаторской «целенаправленной прагматической политики захвата и эксплуатации территорий, а также подчинения тамошнего населения» [Кобрин], империализм трактует осваиваемое пространство как пустое, основным объектом экспансии здесь становится территория, но не люди [см. также: Кукулин, с. 853–854]. Официальный миф освоения Сибири в 1950-е гг. периодически оперировал «имперскими» метафорами: речь шла о плохо обжитом, диком пространстве, которое было необходимо преобразить в соответствии с нуждами человека и требованиями цивилизации. Однако такой подход вызывал возражения у связанной с местной интеллектуально-культурной традицией интеллигенции, и она была склонна «читать» этот дискурс как колониальный, а не как имперский, и оппонировать ему аргументами из антиколониального арсенала (в этом отношении репрезентативна публицистика В. Астафьева и В. Распутина 1980–1990-х гг.).

Автор фиксирует нанесение геологами, геофизиками, строителями географически-административной разметки на необжитое пространство: безымянный ручей становится Шестопаловкой (в память ученого М. Ф. Шестопалова, занимавшегося проблемами разведки алмазов), в честь молодого геолога появляется лог Хабардина. Исторически давние названия также вписываются в контекст современных преобразований. Осипов, например, приводит якутскую легенду о происхождении Нюрбы и историческую справку об этом поселке, возникшем в 50-е гг. XIX в. как миссионерский центр, но доказывает, что «настоящая история» Нюрбы начинается «с того момента, когда сюда была перенесена главная штаб-квартира Амакинской экспедиции» [Осипов, с. 100]. Культурный смысл новых номинаций либо реконтекстуализации старых вполне очевиден — это символическое освоение и присвоение территории, интегрирование географической периферии путем ее индивидуализации в воображаемое целое. Характерным для «оттепели» образом это целое моделируется, скорее, как «имперское», нежели как «национальное» — этнические параметры не релевантны для создаваемого образа территории.

Если история края, по Осипову, творится прямо сейчас, в ходе его освоения советскими людьми, то прошлое сведено к цепи художественных репрезентаций, частично предопределивших стереотипное видение территории. Узнавать Сибирь читателю очерков предлагается при помощи широко известных культурных ассоциаций и образного ряда:

С высоты полета Сибирь воспринималась как-то особенно торжественно. Хотелось спеть «Ермака», «Славное море, священный Байкал» и еще что-нибудь такое же размашистое и удалое. Вспоминались рассказы Короленко и Шишкова, оживали в памяти романы Мамина-Сибиряка и картины Сурикова [Там же, с. 80].

Узаконенная в русских литературе и живописи, поддержанная историографической традицией схематика восприятия Сибири работает и при изложении автором популярной версии возникновения «сибирского типа», связанного с крестьянской колонизацией края. Согласно Осипову, предок современных сибиряков был крестьянином из какой-нибудь бедной среднерусской губернии, бежавшим от «тупого уклада деревенской жизни» [Там же, с. 242] на таежные просторы:

Стал жить предок Петровича на берегу бурной реки, стал мыть в ее желтых косах золотишко. Утром выйдет на порог, расправит плечи и заорет, да так, что верст на десять в округе слышно:

– Ого-го-го-го-го-о-о-о!..

Послушает эхо, улыбнется, потянется — и пошел в тайгу. Сам себе хозяин. Попробуй он сделать это в Саратовской губернии? Немедленно засадят в холодную за нарушение общественного порядка. Так и рождается в крови далекого предка Петровича, чтобы потом передаться всему потомству, любовь к диким, неосвоенным местам, страсть к землепроходчеству [Там же, с. 242–243].

Культурная генеалогия современного сибиряка ведется очеркистом от Ермака и «легендарных русских землепроходцев» [Там же, с. 242], хотя упоминание их этнического происхождения опять-таки — дань определенной

историко-идеологической традиции, менее актуальной для автора, нежели, во-первых, «унаследованный» из сталинской культуры концепт войны, где элиминированы собственно милитарные смыслы и доминирует семантика борьбы с природой; во-вторых, традиция авантюрно-приключенческой литературы.

Стоит обратить внимание, что в исторически подвижной семантике образа Ермака [см.: Анисимов, с. 58–96; Ростовцева] автора «Тайны Сибирской платформы» интересуют смыслы, прежде всего связанные с экспансией в незнакомый культурно-географический ареал и обретением новых земель. Ретроспективно экспансионистские мотивы можно классифицировать как колониальные, но, разумеется, деятельность Ермака и его современных последователей с колониальной практикой Осипов растожествляет. Несмотря на то, что освоение Сибири и целины в Казахстане, а позднее и строительство БАМа, были попыткой гальванизировать советский проект посредством колониальных инициатив, последние в таком качестве, считает современный исследователь, советский субъект не опознавал [см.: Кукулин, с. 855–856].

Политический язык эпохи трактовал колониализм как порождение капиталистической системы⁴, а культура «высокого сталинизма» снабжала множественными примерами нормативной поляризации мотивов, связанных с колонизацией: ее позитивные эффекты соотносились с советским проектом (распространение из центра на окраины «даров модернизации», просвещение аборигенных народностей, патерналистская государственная забота), негативные же приписывались «проклятому прошлому» либо современным западным политическим элитам (эксплуатация местного населения и природных богатств, пренебрежение локальными культурами). В соответствии с этой логикой был организован и сюжет «Тайны Сибирской платформы», где две первые главы посвящались обличению английского колониализма.

Осипов беллетризировал жизнеописание Павла Лугова — русского геолога с социалистическими симпатиями, записки которого он нашел в архивах Амакинской экспедиции. Лугов становится у него символической фигурой, олицетворяющей преемственность свободолобивых идеалов и научного поиска: он — участник Англо-бурской войны, внимание к которой легитимировано знаменитым высказыванием В. Ленина, посчитавшего ее одной из вех наступления империализма, он одержим ненавистью к социальному угнетению, наконец, он занимается минералогией и пророчит открытие в Сибири крупных алмазных месторождений. Живописание автором в первых главах страданий негритянского населения Южной Африки и хищнической деятельности С. Родса резонировало с современной политико-экономической ситуацией — созданный Родсом концерн «Де Бирс» был главным игроком на международном рынке алмазов, и именно его монополию разрушали открытия советских геологов. В этом отношении индустриальное освоение Сибири преподносилось как антитеза хищнической колониальной политике империализма, социалистическое содержание советского модернизационного курса подчеркивалось наличием общих (читай — государственных) интересов и коллективных усилий в их реализации.

⁴ См. характерное обличение прежней колониальной политики в отношении Сибири [Поспелов, с. 1].

Ортодоксальное идеологическое оснащение использованных Осиповым экспансионистских мотивов не отменяло работы механизмов «культурной памяти». Колониальная (ориентальная) семантика эксплицировалась авторскими «проговорками» и способом организации повествования. Традиция литературы с проблематикой фронта и колониализма «подсказывала» автору традиционные сравнения тайги с джунглями («непролазные северные джунгли» [Осипов, с. 129]), проводника-эвенка — с индейцем, его вооружения — с томагавком [Там же, с. 131], себя — с Робинзоном [Там же, с. 193]. «Положительный герой» «оттепели» представал воплощением нормативных соцреалистических качеств (идейной зрелости, коллективизма), встроенных в романтико-авантюрный идеал мужественности, вдобавок «олитературенный» аллюзиями к прозе Ф. Купера и Д. Лондона. Способность понимать язык дикой природы, выносливость, умение справляться с экстремальными ситуациями — не просто мужские качества, но мужские качества, актуализированные пребыванием во внекультурном пространстве:

В двадцать лет Юрий Хабардин, повзрослевший, возмужавший в суровых северных походах, превратился из мечтательного мальчишки-ухаря в спокойного, уверенного в себе, волевого мужчину. Нелегкая жизнь в таежных джунглях, упорное единоборство с жестокой природой закалили и воспитали его. Он стал великолепным охотником, прекрасным следопытом [Там же, с. 257].

Немаловажно, что изображенный Осиповым мир в гендерном отношении — мужской (редкие женщины выполняют в нем тяжелую работу наравне с мужчинами). Мужское сообщество, направляющее свою энергию на схватку с природой, наделено автором типологически «оттепельной» чертой — молодостью (даже пожилые персонажи выглядят здесь младше своих лет). По мысли А. Прохорова, предпочтение, отданное в культуре «оттепели» молодому герою, давало возможность лишь частично интегрировать его в существующий социальный порядок и тем самым избегать решения сложных идеологических вопросов [см. Прохоров, с. 59]. Развивая логику этого наблюдения, замечу, что положение условного героя очерков Осипова в социальном пространстве — квинтэссенция «мужественного» эскапизма: герой-геолог по роду деятельности изымался из рутинных социальных отношений, повседневности, сопутствующих ей мелких компромиссов и переносился в экстремальные условия, создававшие иллюзию четкой, близкой к военной, ценностной поляризации мира. Соответственно идентификация такого героя была предельно разгружена автором от образующих повседневность «мелочей» и осуществлялась по отношению к ценностям универсального порядка (жизнь, смерть, верность, самопожертвование и т. п.).

Понимание очеркистом промышленного освоения Сибири, т. е. модернизационно-колониальной деятельности как цивилизующей, просветительской и социально необходимой, реализовано не только в прямых декларациях или не допускающих многозначной интерпретации картинах столкновения нового со старым [см.: Осипов, с. 100, 158]. Важным признаком «ориентализующего»

взгляда⁵ служит локализация точки зрения повествователя. Формально в некоторых очерках она размещена внутри изображаемого пространства, более того, автор пытается предупредить возможные упреки в поверхностности журналистского подхода (поэтому он дистанцируется от роли наблюдателя и стремится стать участником — «выезжает» на место событий, какое-то время делит с геологами тяготы их жизни и т. п.). Однако создающие повествовательную рамку мотивы прилета и отлета лишней раз свидетельствуют, что авторский взгляд принадлежит пространству, расположенному за границами изображаемого мира — более цивилизованному и развитому: отсюда высокочастотные для очерков Осипова мотивы покорения природы и необжитых просторов, мышление о Сибири в терминологии «ресурса», постоянно практикуемый прием — взгляд из самолета, с высоты, как бы приглашающий оценить масштабы и сложность решаемой производственной задачи.

Герои «Тайны Сибирской платформы» — геологи, носители модернизационной идеологии, в подавляющем большинстве случаев не имеющие постоянных связей с обследуемой территорией («люди пути» [Рыбальченко]). Отсылки в книге к опыту локальных культур исключительно функциональны: северные аборигены придают изображению «местный колорит», их сказания подтверждают богатство края и тем самым как бы поддерживают идею его использования в качестве ресурсной базы, но вне перспектив модернизации культура этнического Другого — якутских племен — автора занимает мало. Преобразовательский пафос в книге практически тотален, приметы «природного», т. е. неупорядоченного человеком либо социально архаичного вызывают у автора стойкое отторжение (ему кажется, что олени, бродящие по улицам, портят вид нового поселка [Осипов, с. 158], он солидарен с просьбой раскаявшегося шамана Ильи, ныне помогающего геологам, взять с собой его внука, который тоже хочет «искать в тайге сверкающий чудо-камень» [Там же, с. 152]).

Концентрированно романтический (и имплицитно — колониальный) пафос очерков Осипова вполне соответствовал утопическим интенциям «оттепели», но тем интереснее попытка оспорить предложенный журналистом образ дикой Сибири, наконец-то охваченной благими преобразованиями. Критические выпады в адрес популярной в конце 1950-х — начале 1960-х гг. «геологической» литературы, которые позднее конвертируются в довольно внятную контрмодернизационную программу, содержала статья В. Астафьева «Нет, алмазы на дороге не валяются», опубликованная в 1962 г. в журнале «Урал». Писатель, не называя имени Осипова, но узнаваемо пересказывая сюжетные перипетии его очерков, иронизировал по поводу злоупотребления экзотизмами в теме освоения Сибири: «У геологов работа эффективная. У геологов опасности и романтика, правда, зачастую придумываемые авторами...» [Астафьев, 1997, с. 72]. Экзотизация раздражала Астафьева не сама по себе, а как доказательство доминирования в современной прозе взгляда на Сибирь «извне» и, как подразумевалось, сверху вниз. Думается, подобная полемика с экзотизирующим восприятием культурно-географической

⁵ В том смысле, в каком об ориентализме писал Э. Саид, — установление различий между Востоком и Западом с целью обрести контроль и власть над объектом описания [см.: Саид, с. 9–10].

окраины стала толчком для рефлексии в прозе и публицистике «деревенщиков» (В. Астафьева, В. Распутина), структурных параметров и экзистенциальной обоснованности иной — «местной» — точки зрения на Сибирь. Примечательно позднейшее признание Астафьева актеру Е. Лебедеву, с которым он познакомился в конце 1950-х гг. во время приезда бригады артистов на строительство Красноярской ГЭС: именно тогда, свидетельствовал писатель, у него родилась мысль «написать повесть о... Родине и родичах, дабы самонадеянным преобразователям и освоителям Сибири не казалось, что до них тут никто не жил. Жили!» [Астафьев, 2009, с. 183].

Еще одним объектом едких оценок в статье «Нет, алмазы на дороге не валяются» была «молодежная проза», в центре которой находился социально и культурно чужой для Астафьева тип — молодой, не знающий жизни горожанин-интеллигент. Герои популярных произведений отправлялись работать в Сибирь на строительство ГЭС и вдруг открывали, иронизировал Астафьев, что зарабатывать кусок хлеба трудно [см.: Астафьев, 1997, с. 73]. Писатель уклонился от упоминания конкретных имен, но, вероятнее всего, имел в виду популярную повесть А. Кузнецова «Продолжение легенды», чей сюжет укладывается в иронически воспроизведенную им схему. На рубеже 1950–1960-х гг. эта повесть стала бестселлером, хотя позднее автор утверждал, что опубликованный «Юностью» вариант существенно отличался от первоначально им предложенного повествования о «реальной» жизни на «стройках коммунизма» [см.: Батшев] (в качестве корреспондента этого журнала Кузнецов был командирован на строительство Иркутской ГЭС и успел там поработать бетонщиком).

Как и в случае с очерками В. Осипова, герой-повествователь в «Продолжении легенды» пропагандирует индустриальную модернизацию / колонизацию Сибири — «диких земель» [Кузнецов, с. 34], огромного, не затронутого цивилизацией края на востоке страны. Мифология, вырастающая из отдаленности Сибири (зона «штрафной» колонизации или пространство для романтического бегства от цивилизации), автором повести последовательно отвергается. Ему опять-таки важно метафоризировать регион как часть «обновляющейся» страны. В итоге необозримая Сибирь в сознании героя расподоблена со «старой, тесной, обжитой и позастроенной» Европой [Там же, с. 58], но одновременно — благодаря современным транспортным средствам — приближена к символическому центру, т. е. к той же Европе («...Сибирь стала близкой и проходимой...» [Там же]).

В «Продолжении легенды» у акцентированной «инаковости» Сибири есть фабульная оправданность: эта территория увидена глазами вчерашнего школьника, москвича, впервые вышедшего за пределы социально и географически привычного ареала. Как столичный житель, герой семиотизирует новые реалии, пользуясь традиционными антитезами цивилизованного / дикого, культурного / природного, в которых положительно маркирован модернистский полюс. Отсутствие цивилизации на огромной сибирской территории становится для него открытием (он, к примеру, с удивлением узнает, что в Иркутске одна трамвайная линия и нет троллейбусов), поэтому себя и своих товарищей он воспринимает в качестве проводников модернизационных веяний. Портальные краны видятся ему «точкой, островком, пятачком культуры в этом нетронutom, диком

мире» [Кузнецов, с. 133]. Он последовательно оспаривает ценность «природного» в главах о перекрытии Ангары (с примечательными названиями «Битва», «Еще битва», «Продолжение битвы»). Герой наблюдает за превращением воды из аквамариновой в «бурую, мутную, беспокойную» [Там же, с. 190], но процесс этот в повести не имеет каких бы то ни было пессимистических экологических импликаций и трактуется как обнадеживающий знак подчинения природы человеку (еще одного персонажа — строителя из сибиряков — Кузнецов все же наделяет знанием таежной природы и сентиментальной любовью к ней, но тут же уравнивает их «передовыми» настроениями).

Для легитимации модернизационной политики Кузнецов находит довольно эффектный риторический ход. Главным апологетом преобразований он делает не столичного жителя, а представителя сибирского этноса — буряту Мишку Ольхонского. Плакатный образ персонажа возникает как результат вынужденного демонтажа повествователем ориенталистских стереотипов, которых, как выясняется, он придерживался:

Когда утром я проснулся и впервые увидел его, я ожидал, что он заговорит ломаным языком, что-то вроде «наша-ваша, мала-мала». Он улыбнулся и спросил, абсолютно без всякого акцента:

– Ну что, ожил? Еще одна жертва цивилизации.

Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что человек с такими раскосыми глазами, монгольскими скулами, бронзовый и коренастый говорит таким чистым русским, московским языком, во всех спорах бьет меня, цитирует Кампанеллу и Руссо, книги, которых я еще в глаза не видел [Там же, с. 164].

Если считать модернизацию европейской идеологией, то представитель якобы отсталого азиатского этноса оказывается в повести большим европейцем, чем его собеседник-москвич (единственной чертой Мишки, которую можно интерпретировать в этническом контексте, остается его крайняя непосредственность). Кузнецов как будто снимает характерное для колониальной сюжетики противостояние «управляющего» и «подчиненного», приезжего и местного, но установка, названная мной в этом контексте «колонизаторской», обнаруживает себя не в распределении субъектных позиций и функций между героями, а в стилистике. Трудно сказать, что руководило автором, когда он, вопреки соображениям психологической достоверности, лишил Мишку собственного языка — отвергнув выработанную местным опытом систему координат, тот рассуждал о родном для него пространстве исключительно посредством историко-культурных аналогий, сформированных во «внешнем» для Сибири мире:

Вы хотите, чтобы от Иркутска до Якутска ходило метро, а в Кузьмихе открылся Большой театр. А то, что это джунгли, ты знаешь? Джунгли! Аляска! Антарктида! Человек, который ушел от железной дороги на сто верст, — это Кук, Магеллан, Пржевальский! Сибирь никто не трогал, не знал и не ведал. Сибирь — как неоткрытая планета, это — такое богатство, что хватит всему миру! [Там же, с. 156–157]

Дискурс созидания и освоения нового мира в «Продолжении легенды», в общем, стилистически унифицирован, монологичен и базируется на убеждении

в идеологической консолидированности действующих лиц (не беру во внимание достаточно тривиальную индивидуализацию речи персонажей по функциональному признаку — герой-«отец» (Захар Захарович), герой-«сын» [см.: Кларк, с. 106–107]). В пространстве модернизации, каковым является Сибирь, герои объединены признанием необходимости перемен, соответственно голос Другого — не этнокультурного, а социального — максимально отчужден. Он вынесен во вне-сибирский мир, а сам Другой / Чужой (мещанин и приспособленец Виктор, не желающий покидать Москву), по сути, является негативной проекцией главного героя.

Возвращаясь к мобилизационной риторике Ольхонского, стоит заметить, что она моментально опознавалась советским читателем (не случайно герой с энтузиазмом вспоминал один из ее литературных «первоисточников» — Павку Корчагина). На осторожное замечание героя-повествователя, что Сибирь можно «открывать по-человечески», Мишка резко возражал:

Что значит «по-человечески»? Ты, может, хотел бы получить коттедж? На «ЗИМе» ездить на работу? А кто «ЗИМы» делать будет? <...> ...вокруг целина, дебри! Рано нам с тобой говорить о спокойной жизни, ой, рано!.. И кто хочет прожить в наше время достойно и по-человечески, а не паразитом, — тот поднимает целину, прикладывает руки свои, а не смердит! <...> ...никто тебя не просит, никто тебе не кланяется! Ты должен! [Кузнецов, с. 157–158].

Героика и подвиг применительно к сибирскому пространству можно было узаконить, — и случай Кузнецова это подтверждает — оперируя прежним, заимствованным из сталинской культуры риторическим инструментарием, но модифицируя его в соответствии с гуманистическим посылом «оттепели» — утверждением ценности «я», из которых складывается «мы»⁶: наличие «объективных» трудностей (климатических и организационных) требовало от личности сверхусилий по их преодолению, что позволяло санкционировать экстремальное напряжение как модус существования советского человека. Другое дело, что у такого модуса возникал персональный аспект (ср. характерный пассаж из «Продолжения легенды», в котором перечень стандартных проявлений героизма «разбавляется» индивидуализирующими деталями: «мы мучились от жары и жажды летом и замерзали зимой, мы жгли по ночам костры, проливали бетон на эстакаду, делали брак, исправляли, получали знамена, рассказывали детям легенды. *Нам хотелось яблок, и у нас болели руки*» [Там же, с. 198]).

Любопытно, что в этот период в литературе заявляет о себе и противоположная тенденция — проблематизация безоглядного движения вперед и мобилизационной этики с обязательными ссылками на «временные трудности». Ее можно найти в ситуативно близкой Осипову и Кузнецову, однако идеологически

⁶ Важным для самоидентификации «шестидесятников» признаком, позволявшим им этически отмежеваться от сталинизма, было неприятие инструментального отношения к рядовому, малозаметному человеку, «винтику». Однако в конце 1950-х гг. мобилизационная риторика со свойственными ей инструментальными оборотами использовалась довольно активно, правда, на новых основаниях — оправдывая себя идеей создания нового мира и служения людям («Все остается людям» (1963) назывался фильм Г. Натансона о самоотверженной работе советского ученого).

ревизионистской прозе Б. Можаяева. Фабульно его повести «Тонкомер» (1956) и «Наледь» (1959) близки «Тайне Сибирской платформы» и «Продолжению легенды»: речь идет о бурном строительстве, разворачивающемся на географической периферии — в дальневосточной тайге. Но тематизация экологических проблем и способ разрешения конфликта радикально отличают Можаяева от его коллег, снискавших в конце 1950-х гг. шумный успех: герои «Тонкомера» и «Наледи», типологически совершенно «оттепельные» (молодые, искренние, порывистые идеалисты), терпят поражение в попытках гуманизировать систему, а потребительски-пренебрежительное отношение к природе предстает в этих произведениях формой обесценивания человека.

По существу, даже осторожные попытки демонтажа принципов инструментальной модернизации и мобилизационной этики меняли конфигурацию сибирского мифа — определяющими в нем становились регионализм (т. е. идентификация автора с изображаемой территорией и признание ее историко-культурной самобытности [см.: Анисимов, Созина, с. 274]) и консерватизм. Комбинация характерных для рубежа 1950–1960-х гг. мобилизационных лозунгов, модернистских идеологем и утопизма вообще станет одним из главных «раздражителей» для формирующегося национально-консервативного лагеря. Программа последнего, сколь бы размытыми ни были ее основные положения, будет во многом определяться редукцией «оттепели» до «революционаризма» (насилованного вторжения в «органику» природы и социума, местных экосистем и локальных культур [см.: Кожин, с. 769–770]) и отталкиванием от него.

Знаменитый экологизм национально-консервативной прозы («деревенщиков») окажется немислимым без реабилитации «места» — более или менее защищенной, предназначенной для жизни «среды обитания» со своими природно-климатическими особенностями, историей, культурой, сложившимися социальными сетями и т. п. [см.: Яницкий, с. 146]. В ретроспективе именно на фоне «неопочвеннического» варианта сибирского литературного регионализма 1970–1980-х гг. со всей очевидностью обозначается отсутствие собственно «регионального» в территориальном мифе о Сибири, созданном «оттепелью»⁷.

«Оттепельная» Сибирь возникла как проекция идеалистических устремлений советского общества, которое решило покончить с «нарушениями социалистической законности» и построить-таки новый мир на «отдельно взятой» территории (Сибирь явилась своего рода «моделью» СССР). Инструментальные аспекты (Сибирь — ресурсная кладовая, промышленная база страны и огромная

⁷ Апогеем «оттепельного» гипертрофированного романтизма и сопутствующего ему игнорирования культурно-исторического содержания «локального» стал фильм «Неотправленное письмо». Здесь образ Сибири воссоздавался в авангардистской манере, соединившей игру мифопоэтическими мотивами (сибирская природа, к примеру, символизировала деструктивные силы бытия и фатум) с верно расставленными идеологическими акцентами. Экранизируя очерк Осипова, Калатозов и Урусевский снимали фильм о стойкости человеческого духа в любых, даже самых трагических обстоятельствах (титры на начальных кадрах гласили: «Тем, кто шел и идет трудной дорогой первых»). Вероятно, поэтому они нарочито проигнорировали соображения жизнеподобия и бытовую конкретику. Виртуозная операторская работа (а Урусевский усовершенствовал свою поэтику острапяюще-символического изображения Сибири / Севера еще в конце 1940-х гг., экранизируя роман Т. Семушкина «Алитет уходит в горы») делала пространство сибирской тайги условным и переключала зрительское внимание на философский план картины.

«педагогическая» площадка для социализации молодого человека) стали «несущей конструкцией» «оттепельного» варианта сибирского мифа, оказавшегося, кстати, на редкость живучим (это доказывает стилистика освоения БАМа в массовой культуре 1970-х — начала 1980-х гг., сложившаяся не без влияния «оттепельной» стилистики). Позднее истощение символических и институциональных активов подобного подхода, конкуренция в дискурсивном поле с «неопочвенническими» регионалистскими построениями со всей очевидностью обнаружили стартовые для конструирования сибирского мифа в культуре «оттепели» «объектное» восприятие региона и изначально незаинтересованность в актуализации местного историко-культурного опыта.

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с. [Anisimov K. V. Problemy poetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX veka: Osobennosti stanovlenija i razvitija regional'noj literaturnoj tradicii. Tomsk, 2005. 304 s.]

Анисимов К. В., Созина Е. К. История литературы Урала в контексте региональных исследований // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 1 (87). С. 272–284. [Anisimov K. V., Sozina E. K. Istorija literatury Urala v kontekste regional'nyh issledovanij // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2011. № 1 (87). S. 272–284.]

Астафьев В. П. Нет, алмазы на дороге не валяются // Астафьев В. П. Собр. соч. : в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 12. С. 61–75. [Astaf'ev V. P. Net, almazy na doroge ne valjajutsja // Astaf'ev V. P. Sobr. soch. : v 15 t. Krasnojarsk, 1997. T. 12. S. 61–75.]

Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск, 2009. 720 с. [Astaf'ev V. P. Net mne otveta... Jepistoljarnyj dnevnik 1952–2001. Irkutsk, 2009. 720 s.]

Батшев В. Дело Анатолия Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.pdf (дата обращения: 18.06.2014). [Batshev V. Delo Anatolija Kuznecova [Electronic resource]. URL: http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.pdf (mode of access: 18.06.2014).]

Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Екатеринбург, 2003. Т. 1 : Шестидесятые. Мир советского человека. С. 513–948. [Vajl' P., Genis A. Sobr. soch. : v 2 t. Ekaterinburg, 2003. T. 1 : Shestidesjatye. Mir sovetskogo cheloveka. S. 513–948.]

Живов В. Двуглавый орел в диалоге с литературой // Новый мир. 2002. № 2. С. 174–183. [Zhivov V. Dvuglavuj orel v dialoge s literaturoj // Novyj mir. 2002. № 2. S. 174–183.]

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. 416 с. [Zorin A. L. Kormja dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX veka. M., 2001. 416 s.]

Кларк К. Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург, 2002. 262 с. [Klark K. Sovetskij roman. Istorija kak ritual. Ekaterinburg, 2002. 262 s.]

Кобрин К. Ориентализм vs. империализм: Кавказ vs. Север [Электронный ресурс]. URL: <http://www.watchdog.cz/?show=000000-000024-000008-000004&lang=2> (дата обращения: 18.06.2014). [Kobrin K. Orientalizm vs. imperializm: Kavkaz vs. Sever [Electronic resource]. URL: <http://www.watchdog.cz/?show=000000-000024-000008-000004&lang=2> (mode of access: 18.06.2014).]

Кожин В. В. «Самая большая опасность...» // Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. М., 2012. С. 673–773. [Kozhinov V. V. «Samaja bol'shaja opasnost'...» // Kozhinov V. V. Rossija kak civilizacija i kul'tura. M., 2012. S. 673–773.]

Кузнецов А. Продолжение легенды. Записки молодого человека. М., 1959. 206 с. [Kuznecov A. Prodolzhenie legendy. Zapiski mladogo cheloveka. M., 1959. 206 s.]

Кукулин И. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-х — 2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации России. М., 2012. С. 846–909. [Kukul'in I. «Vnutrennjaja postkolonizacija»: formirovanie postkolonial'nogo soznanija v russkoj literature 1970-h — 2000-h godov // Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii Rossii. M., 2012. S. 846–909.]

Левина А. «Прошу принять меня в Сибирь» // Юность. 1956. № 7. С. 92–94. [Levina A. «Proshu prinjat' menja v Sibir'» // Junost'. 1956. № 7. S. 92–94.]

Марков Г. Сибирь ждет вас, молодые друзья! // Литературная газета. 1956. 22 мая. С. 1. [Markov G. Sibir' zhdet vas, molodye druz'ja! // Literaturnaja gazeta. 1956. 22 maja. S. 1.]

На Восток! // Литературная газета. 1956. 26 мая. С. 1. [Na Vostok! // Literaturnaja gazeta. 1956. 26 maja. S. 1.]

Осипов В. Тайна Сибирской платформы. 2-е изд. М., 1960. 286 с. [Osipov V. Tajna Sibirskoj platformy. 2-e izd. M., 1960. 286 s.]

Поспелов Г. Сибирский центр науки // Литературная газета. 1957. 26 декабря. С. 1–2. [Pospelov G. Sibirskij centr nauki // Literaturnaja gazeta. 1957. 26 dekabrja. S. 1–2.]

Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб., 2007. 344 с. [Prohorov A. Unasledovannyj diskurs: paradigmy stalinskoj kul'tury v literature i kinematografe «ottepeli». SPb., 2007. 344 s.]

Ростовцева Ю. А. Сибирские летописи в контексте библейской традиции: история Ермака как христианский археосюжет // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 343. С. 19–22. [Rostovceva Ju. A. Sibirskie letopisi v kontekste biblejskoj tradicii: istorija Ermaka kak hristianskij arheosjuzhet // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 343. S. 19–22.]

Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 18.06.2014). [Rybal'chenko T. L. Mifologemy obraza Sibiri v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka [Electronic resource]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (mode of access: 18.06.2014).]

Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 637 с. [Said Je. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. SPb., 2006. 637 s.]

Солодарь Ц. Сибирячка // Юность. 1956. № 9. С. 90–96. [Solodar' C. Sibirjachka // Junost'. 1956. № 9. S. 90–96.]

Форум Ab Imperio: обсуждение книги А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла...» // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 470–554. [Forum Ab Imperio: obsuzhdenie knigi A. L. Zorina «Kormja dvuglavogo orla...» // Ab Imperio. 2002. № 1. S. 470–554.]

Яницкий О. Н. Экологическая культура России XX века. Очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161. [Janickij O. N. Jekologičeskaja kul'tura Rossii XX veka. Oчерk sociokul'turnoj dinamiki // Istorija i sovremennost'. 2005. № 1. S. 136–161.]

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.